

— Здесь кто-нибудь есть? Почему в мастерской пусто?

Услышав холодный, как сталь, голос, владелец ателье вздрогнул и замер с поднятым ремнем. В следующее мгновение он, забыв о Луи, стремительно выскочил из подсобки, его голос зазвучал подобострастно и виновато.

— Виноват, граф! Я лишь на минуту отлучился...

Сквозь узкую щель в занавеске Луис увидел спину портного, нервно переминающегося с ноги на ногу, а за ней — фигуру человека в дверном проеме.

Его волосы были медово-золотистого цвета, а глаза голубые и холодные, как горный лёд. Он был поразительно красив — как изваяние из белого мрамора, озаренное лунным светом.

«Это, должно быть, он...»

Этим человеком был ни кто иной, как граф Эллиот Сеймур Гладстон.

Луис почувствовал, как по телу пробежала легкая дрожь, и он застыл, рассеянно вглядываясь в щель. Одна лишь осанка графа, его непринужденная поза излучали подавляющую ауру власти.

Хотя это была их первая встреча, Луис уже знал его. Граф Эллиот Сеймур Гладстон переехал в загородное поместье на окраине Вудвилля около двух недель назад и стал предметом обсуждения во всем городе.

(Вы слышали? Граф Гладстон в очередной раз отклонил приглашение от маркиза Вудвилля.)

(Опять этот ледяной человек? Он что, презирает деревенские вечеринки ?)

(Говорят, он и в столице был таким же.)

Сегодня утром двое джентльменов, которым Луи чистил обувь, также беседовали о графе. По их словам, Эллиот был своеобразным дворянином, который, несмотря на свой аристократический статус, не любил высшее общество.

Они упоминали, что он презирает мужчин, остается равнодушным к женщинам и не интересуется романтикой, не говоря уже о простом флирте. И всё же каждая дама в Вудвилле мечтала увидеть его на своих приёмах.

(Вы видели, до чего невероятно красив этот чудак? Даже самая юная принцесса попала под его обаяние. Говорят, что им очаровываются не только женщины, но и мужчины.)

(Но едва ли маркиз стал бы заигрывать с ним лишь из-за красивой внешности.)

(Дело не только в титуле. Он славится финансовой хваткой и мудрыми вложениями. И, конечно, тот слух...)

(А, этот слух... Говорят, граф — тот самый хранитель знаменитого фамильного сокровища...)

Джентльмены внезапно замолчали, вероятно осознав, что их слова могут долететь до ушей чистильщика. Луис, не поднимая головы и продолжая усердно натирать обувь, незаметно прислушивался к их беседе.

Он недоумевал, почему ходят слухи о ком-то таком далеком и недоступном. Существо из чужих разговоров, казавшееся почти мифическим, теперь стояло перед ним во плоти, за тонкой преградой из ткани. Луис нервно сглотнул, и его тревога стала почти осязаемой, тяжёлой, как воздух перед грозой.

«Да, это определённно он. В точности, как в рассказах...»

Любой, кто взглянул на него, мгновенно узнал бы его благородную фигуру. Пальто на шёлковой подкладке, безупречный чёрный костюм, лаковые туфли и цилиндр — каждая деталь его туалета как будто излучала сдержанное, дорогое сияние.

Но больше всего блистал сам Эллиот. Возможно, благодаря своей светлой и гладкой коже и стройному телосложению он выглядел как искусно выточенная мраморная статуя.

Выдающийся нос придавал глубину его взгляду, а твердый подбородок и губы передавали одновременно силу и чувствительность. Даже когда он хмурился от недовольства, его лицо оставалось безупречно красивым.

— Вы случайно не видели пару белых кожаных перчаток? — спросил граф, голос его был холоден и резок.

— Вы... имеете в виду те, что сейчас на вас, милорд? — растерянно пробормотал портной, его взгляд беспомощно скользнул по безупречным перчаткам графа.

— Разве я похожа на человека, который возвращается за парой, уже надетой на его собственные руки? Я говорю о запасных перчатках.

Тон Эллиота оставался неизменно холодным и высокомерным, подтверждая слухи о его неприятном характере.

— Это так раздражает. Неужели вы не в состоянии отыскать одну-единственную пару перчаток как следует? Они явно выпали, когда вы демонстрировали мне то ужасное пальто. Где сейчас эта вещь?

— М-милорд, как только вы вернётесь в поместье, я немедленно всё обыщу и доставлю их вам в этот же день.

— Какой вздор, — отрезал Эллиот с ледяным презрением. — Я не понимаю логики. И что вы будете делать, если они промокнут или испортятся по дороге в поместье?

— Видите ли... прямо сейчас... — портной совсем растерялся.

— Поторопись. Один твой пот вызывает у меня ощущение, будто мои перчатки уже где-то здесь испачкались.

Его голос был таким чувственным и элегантным, что Луису стало не по себе. Пока он в панике метался взглядом в поисках выхода, граф произнёс слова, от которых у него похолодела кровь.

— А что находится за этой занавеской? — Эллиот спросил безучастным тоном, но в его интонации сквозило недовольство, — Кажется, ты туда ещё не заглядывал.

Луис попытался спрятаться, но было уже слишком поздно. Густой, сладкий и всепоглощающий аромат стремительно сгустился в воздухе. Прежде чем он успел сделать новый вздох, граф

резким, решительным движением отдернул тяжёлую занавеску, скрывавшую внутреннюю комнату.

Луис оказался лицом к лицу с графом, чьи глаза были ясными и прозрачными, как стеклянные бусинки, пронзая его насквозь. От одного лишь интенсивного, неотрывного взгляда по коже Луиса пробежали мурашки, а дыхание сперло в груди. Он застыл, словно загнанный зверёк.

Граф задал вопрос владельцу мастерской, не отрывая взгляда от Луиса.

— Что это? Ребёнок? — его голос прозвучал холодно и отстранённо. — Сколько ему? Пятнадцать? Шестнадцать?... Что вы делаете среди бела дня с ребёнком в задней комнате?

Луи покраснел от смущения, внезапно вспомнив, как он выглядит. Его гладкая кожа просвечивала сквозь рваный край разорванной рубашки. Он судорожно попытался стянуть ткань, когда владелец ателье поспешно вступил в разговор, его голос зазвучал слащаво и подобострастно:

— Граф, он уже взрослый парень. Ему девятнадцать лет, если быть точным.

— Девятнадцать? — бровь Эллиота едва заметно приподнялась, а в голосе зазвучало сомнение.

— Такой тщедушны..?

— Да-да, конечно! Он может казаться юным, но это лишь следствие тяжёлой жизни, лишений, понимаете. Парень многое повидал. А эта ситуация... я не хотел этого, понимаете... он сам настойчиво предлагал...

— Нет! — крик вырвался у Луиса прежде, чем он успел осознать страх. Он видел, как за спиной графа сузились глаза владельца ателье, но не мог промолчать, снося эту гнусную ложь. — Это совершенно неправда! Никогда я ничего такого..!

Хмурое выражение на лице графа стало ещё темнее. На его лице читались несомненные отвращение и презрение. Неловкость была очевидна в его глазах. Почувствовав это, владелец ателье поспешил загладить впечатление, его голос стал настойчивым и ядовитым:

— Маленький ублюдок, как ты смеешь врать, не плюнув себе в рот? Ты вообще понимаешь, с кем разговариваешь?..

— Но он... он сказал мне... — попытался вставить слово Луис, его голос был слабым и прерывистым.

— Граф, умоляю, не утруждайте себя мыслями об этом отбросе, — владелец ателье почтительно склонил голову, делая шаг в сторону, будто приглашая пройти дальше. — Пожалуйста, пройдёте. Я предоставлю вам лучшие перчатки из моих запасов. Вам даже не придётся за них платить — какой может быть счёт для графа? Прошу.

Владелец ателье имел прочные связи со знатью Вудвилля. Было очевидно, чьим словам — уважаемого портного или жалкого, оборванного уличного мальчишки — граф склонен был верить.

Чувствуя себя обиженным и задетым недоразумением, Луис, который до сих пор сдерживал слезы, не смог сдержать их. Крупные слезинки быстро наполнили его глаза, а затем потекли.

— ...Нет необходимости.

Эллиот, мельком взглянув на заплаканного Луиса, ответил ледяным тоном. Владелец ателье замер в ошеломлённом потрясении.

— Вам... вам не нужны новые перчатки?

— Нет. Я хочу отменить заказ, который разместил у вас ранее.

— Но я уже начал кроить ткань...

— Я всё равно заплачу. Чека будет достаточно?

Граф скомкал подписанный листок бумаги и бросил его на пол. Ошеломлённый портной переводил взгляд с упавшего чека на бесстрастное лицо графа, но тот смотрел на него с тем же презрением.

Значит, этого достаточно? Надеюсь, я больше никогда тебя не увижу.

Владелец ателье не знал, что делать. Для портного, обслуживавшего знать и джентльменов, оскорбление графа означало потерю всех клиентов.

— Граф, что же мне делать?..

— Вы что, не расслышали? Я не говорю вам, что делать, я говорю вам ничего не делать. Приказ отменён.

— Позвольте, если я в чём-то провинился...

— Мне отвратительно это зрелище. Как я могу носить одежду, сшитую этими грязными руками?

— Граф, я не знаю, что случилось, но я совершил ужасную ошибку. Пожалуйста, пожалуйста, дайте мне еще один шанс...

С побелевшим лицом владелец ателье протянул руку к графу в немой мольбе. Эллиот отступил на шаг с пренебрежительной лёгкостью, выхватил из-за пояса короткий хлыст и со свистом опустил его на вытянутое предплечье мужчины.

— Ай!

— Кажется, я уже говорил, что ваши руки отвратительны. Или вы не расслышали?

Лицо Эллиота оставалось бесстрастным, лишённым малейшей теплоты. Он больше походил не на человека, а на элегантного и безжалостного ангела, посланного наказывать.

Его холодный взгляд медленно скользнул обратно к Луису. Тот изо всех сил старался не поддаться слабости и не осесть на пол, но с тех пор, как появился граф, его дрожащее тело неудержимо тряслось.

— Хах...

Граф глубоко вздохнул, будто устав от всего этого зрелища, затем с резким движением снял свой дорожный плащ из-под пальто и бросил его на пол перед Луисом.

— Прикройся.

Луис застыл в ошеломлении, думая, что ослышался. Граф, поморщившись, повторил, и в его голосе теперь звучало раздражение:

— Прикройся этим. Ты выглядишь отвратительно. И исчезни с моих глаз.

Услышав это, Луис подумал о своем неопрятном виде и почувствовал, как его лицо покраснело от смущения. Было очевидно, что граф испытывает лишь брезгливость к этой сцене, и оставаться здесь значило лишь распалять его гнев ещё сильнее.

Луис дрожащими руками поднял плащ и, не сказав ни слова на прощание, поспешно покинул ателье.

<http://bllate.org/book/15007/1328748>